

Сила Я / слабость Я. Также стереотипно считается, что мужчин и женщин отличают проявления силы их личности. По мнению Флоренского, «женская деятельность в значительной мере, в более значительной, чем мужская, есть деятельность не самой женщины, а других сил в женщине» [5, с. 104].

Подобный взгляд Н. Бердяева на пол прослеживается в его произведении «О назначении человека», где он утверждает, что «женщина, в которой совсем бы отсутствовал мужской принцип, не была бы личностью» [1, с. 67–73].

Таким образом, импульсивность, активность, движение, жизнь исходят из мужского начала, женщина же даёт только пассивную материю. Но можем ли мы сказать, что не встречаем логичных женщин и чувственных мужчин; активных, властных, доминантных, агрессивных женщин и пассивных, подчиняющихся мужчин?

Исследование кумыкской «женской» литературы, в частности творчества Ж. Керимовой (поэмы «Тул кыз», «Йыланкыз» и др.), позволяет апеллировать к рассмотренным гендерным стереотипам весьма условно, то есть не в качестве истины в последней инстанции, а в порядке информации о существовании определённых представлений по существу исследуемой нами проблемы. Вместе с этим представляется уместным отметить то, в какой мере и степени можно будет воспользоваться содержащимися в справочном материале характеристиками гендерных стереотипов. В дальнейшем в соответствующих разделах работы в процессе анализа произведений исследуемого автора мы будем не раз обращаться к этому словарю.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – Москва : Современные записки, 1993. – 478 с.
2. Булгаков С. Н. Тихие думы / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1996. – 624 с.
3. Логинов А. А. Женщина и мужчина / А. А. Логинов. – Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1989. – 270 с.
4. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века / О.В. Рябов. – Иваново : Изд-во Иванов. гос. ун-та, 1997. – 158 с.
5. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский // Тайна имени. Т. 1. – Харьков : Фолио, 1995. – 806 с.
6. Штейнберг У. Конфликты, связанные с мужской идентичностью / У. Штейнберг. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 1998. – 222 с.

References

1. Berdyaev N. A. O naznachenii cheloveka: Opyit paradoksalnoy etiki. Moscow, Sovremennyye zapiski, 1993. 478 p.
2. Bulgakov S. N. Tihie dumyi. Moscow, Respublika, 1996. 624 p.
3. Loginov A. A. Zhenschina i muzhchina. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1989. 270 p.
4. Ryabov O. V. Zhenschina i zhenstvennost v filosofii Serebryanogo veka. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 1997. 158 p.
5. Florenskiy P. A. Imena // Tayna imeni. Vol. 1. Harkov, Folio, 1995. 806 p.
6. Shteynberg U. Konfliktyi, svyazannyye s muzhskoy identichnostyu. Moscow, Institut obshchegumanitarnyyh issledovaniy, 1998. 222 p.

МОТИВ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Казиева Альмира Магомедовна, доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, e-mail: kaziev@pglu.ru.

Плисс Анна Александровна, аспирант, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, e-mail: k_mika@mail.ru.

В статье рассматривается категория «мотив» в отечественном и зарубежном литературоведении. Автор прослеживает хронологию научного изучения категории мотива, его схему, организацию и вариации. Также автор останавливается на типологизации мотива, отмечая при этом, что категория мотива – одна из самых популярных и противоречивых в современной науке о литературе.

Ключевые слова: мотив, литературоведение, теория, типология, вариации

MOTIVE IN LITERARY CRITICISM AND ITS MAIN SIGNS

Kaziyeva Almira M., Doctor of Philological Sciences, Professor, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Stavropol Region, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave., e-mail: kaziev@pglu.ru.

Pliss Anna A., postgraduate student, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Stavropol Region, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave., e-mail: k_mika@mail.ru.

In article the category "motive" in domestic and foreign literary criticism is considered. The author traces chronology of scientific studying of category of motive, its scheme, the organization and variations. Also the author stops on a motive tipologization, noting thus that category of motive – one of the most popular and the most inconsistent in modern science about literature.

Keywords: motive, literary criticism, theory, typology, variations

В отечественном и зарубежном литературоведении категория «мотив» является одной из самых обсуждаемых и вместе с тем одной из противоречивых. Идеи структурирования, типизации, категоризации вариантов и инвариантов мотива на протяжении многих десятилетий развиваются, обобщаются, опровергаются одними исследователями и, тем не менее, преломляются в новые направления исследования.

Начиная с 1920-х годов схема и организация мотива, а также его отдельных вариаций в литературных произведениях, становятся довольно популярной темой для обсуждения в среде теоретиков литературоведческой науки. Так, например, в США, Франции, но в большей мере в Германии получает активное развитие критическая составляющая категории мотива и в целом мотивов.

Для решения вышеназванных проблем учёные и исследователи предлагают, в частности, упорядочить мотивы путём составления специальных словарных статей, которые, в свою очередь, могли бы трансформироваться в полномасштабный словарь – всё это начиная с литературных произведений различных жанров античных времён, через Средние века к Новому и Новейшему времени.

Нельзя не отметить фундаментальные труды Элизабет Френцель «Motive der Weltliteratur», а также «Stoff der Weltliteratur», где категория мотива преподносится как главенствующая составляющая сюжетной линии, влияющая в той или иной степени на развитие действия в литературном произведении в целом.

Согласимся с Э. Френцель, что «мотив, реализующийся в конкретном контексте, выступает основной фабулой, направляющей читателя и заставляющего его думать в том или ином направлении, тем самым, подчёркивая авторские намерения и послыль» [8, с. 68].

Заметим также, что в словарях, составленных Э. Френцель, существуют мотивы, которые как в прошлом, так и в настоящее время определяют отдельные географические направления в литературоведении, гендерные, семейные, реальные и фантастические понятия, предметности и т.д. Среди наиболее ярких и часто встречающихся автор-составитель словаря отмечает такие мотивы, как, например, конфликт отца и сына, двойник, амазонка, отшельник, искусственный человек и др.

Заслуживает отдельной оценки и анализа работа известного литературоведа Стита Томпсона, а именно сборник из шести томов под названием «Указатель фольклорных мотивов» («Motif-Index of Folk Literature»). Данный труд рассматривает кате-

горию мотива как инвариант (общечеловеческую универсалию), которая, в свою очередь, характеризует действующих лиц, главных героев, обстоятельства, в которых они оказываются, их действия, изображая тем самым общую картину бытия. Данную идею, по сути, исследуют также французский учёный Рэймон Труссон в своём произведении «Un problème de littérature comparée: les études de thèmes. Essai de methologie» (1965). По Р. Труссону, инвариантными мотивами могут быть такие понятия, как вражда братьев или брошенная женщина [9, с. 57]. Р. Труссон и С. Томпсон, несмотря на расхождения в терминологии, как и другие литературоведы, всё же приходят к общему мнению, выделяя такие понятия, как *вариант* и *инвариант* категории мотива, причём последний обозначается такими лексическими единицами, как *motif, types-cadre, frame-type, topoi, argument*, и также речь идёт о мотивах-архетипах, связанных с настоящим современным культурным контекстом.

Не менее важным в современном литературоведении является исследование Ж.Ш. Сеньоре «Словарь литературных тем и мотивов», появившийся в 1988 году, где встречаются в алфавитном порядке (на родном языке) следующие мотивы и темы: *юность, загробная жизнь, отчуждение, андрогин, апокалипсис, лабиринт, медведь, амазонки, бабочки, антигерой, антисемитизм, кино, финансист, хиппи, роботы и компьютеры* и т.д. Литературные и народные реалии определяют, таким образом, появление того или иного мотива или группы мотивов, характерных в данном пространственно-временном континууме, такие, как *Летучий голландец, Святой Георгий Победоносец, змей-искуситель, любовь, алчность, ревность* и т.д. [6, с. 43].

Все вышеизложенное подтверждает связь мотива с сюжетной линией произведения, в котором представлены те или иные мотивы. Связь между этими универсалиями литературоведческой науки самая тесная, и, говоря об этом, Б.Н. Путилов развивает идею, высказанную в своё время А.Н. Веселовским и В.Я. Проппом, говоря о том, что: «мотив есть не только элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический *мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие*. В мотиве, так или иначе, задано это развитие. Мотив обладает моделирующими качествами» [4, с. 71]. Из этого следует, что мотивы не делимы, в произведении они связаны между собой, один порождает другой или зависит от него, последний, в свою очередь, непосредственно или опосредованно влияет на развитие другого или других мотивов на протяжении сюжетной линии, тем самым, предлагая читателю в некотором смысле ребусы, загадки, сюжет становится интересным и глубинным именно благодаря мотивам, резонирующим в реальности и соотносящимся с бытием. Такие мотивы называются сюжетогенными.

Помимо Б.Н. Путилова, о природе мотива, в частности, о его соотнесённости с сюжетом, писали такие учёные-литературоведы, как И.В. Силантьев, Е.М. Мелетинский. Каждый из вышеперечисленных теоретиков трактует сюжетогенность по-своему, выделяя априори натуру мотива, движущую сюжетную линию произведения. Например, М.М. Бахтин, исследуя мотив встречи как важнейший сюжетобразующий композиционный приём, полагает, что данный мотив выполняет необходимую соединяющую функцию в романном хронотопе, связывая пространство и время: «Весьма часто хронотоп встречи в литературе выполняет композиционные функции, иногда служит кульминацией или даже развязкой (финалом) сюжета» [1, с. 134]. Следовательно, он несёт особую семиотическую нагрузку в художественном литературном произведении. «В различных произведениях, – пишет М.М. Бахтин, – мотив встречи получает различные конкретные оттенки, в том числе – эмоционально-ценностные... Он может получать полуметафорическое или чисто метафорическое значение, может, наконец, стать символом (иногда очень глубоким)» [1, с. 134].

Говоря о признаках и типологии мотивов и связи с сюжетной линией литературного произведения, представляется необходимым соотнести дихотомию мотив – сюжет с понятием «герой литературного произведения». Концепции, личностные характеристики, поведенческие тактики протагониста прямым образом связаны с событийностью сюжета, а, следовательно, и с мотивами, определяющими сюжет. Типизация и личностные характеристики героя литературного произведения непо-

средственно зависят от сюжета и мотивов, окружающих его, то есть от обстановки, которую создаёт автор литературного произведения и в которую он помещает своего героя или героев. Например, упоминая о мифе, в частности в исследованиях О.М. Фрейденберг, семантические точки соприкосновения категории мотива и действующего лица, преимущественно, главного героя, очевидно, прослеживаются, точно как и в описаниях греческих героев М.М. Бахтина (1986). Герой христианского склада описывается В.О. Ключевским: «Литература нового времени, выходящая из сферы рефлексивной риторики и устанавливающая принципиально иное отношение между моментами традиции и новации, вместе с тем далеко не всегда разрывает характерные тематико-семантические связи героя и мотива» [3, с. 123].

Исследования, посвящённые специфике категории «мотив» многократно встречаются в различные периоды развития литературоведческой науки. Так, Е. Кертис, предложившая общественности своё произведение «European Literature and the Latin Middle Ages» (1953), композиционно представляет собой анализ и детальное рассмотрение средневековых фабул, а также читатель обнаруживает главенствующие, по мнению автора, мотивы этого времени, например: мальчик и старик, перевёрнутый мир, девушка, старуха и т.д. [7, с. 42].

Рассматривая мотивы, их перевоплощения и трансформации, необходимо обратиться к тексту Б.М. Гаспарова «Поэтика "Слова о полку Игореве"». В этой книге учёный начинает работу с мотивами, связанными с земледелием, такими, как *сев, жатва, гроза, дождь*. Также мы наблюдаем за выражением мотивов, отнесённых к солнцу: *солнце, заря, закат*.

А.Н. Веселовский в первой половине XX века заложил основы и традиции в сравнительно-историческом и фольклористском литературоведении, которые были озвучены выше. Связывая мотивы между собой, а именно, мотив вместе с сюжетной линией и действующими лицами литературного произведения, читатель, критик способен увидеть и девуализировать логику авторского замысла. При этом мотивы не представляются читателю по отдельности, они выступают в качестве оппозиций, лексической, прежде всего, вслед за которой следуют семантические противопоставления явлений и авторских интенций. Язык образа и опыт автора, жизненный и литературоведческий непосредственно создают связь реального внешнего мира и действия в произведении. Наряду с понятием «мотив», существует «лейтмотив» – слово, заимствованное из музыкальной теории, но довольно часто встречающееся в литературоведческой науке. Тем не менее, оперируя глобальными категориями, нельзя не отметить, что, несмотря на большое количество работ, посвящённых исследованиям категории «мотив», в теории литературы до сих пор не сложилось единого понимания термина «мотив». В.М. Жирмунский говорил о мотиве как об элементе, развёртывающем тему [2, с. 145]. Б.М. Эйхенбаум представлял мотив как тональность автора, для В.П. Руднева мотив был элементом, создававшим поэтическую парадигму повествования.

А. Реформатский говорит о главных и побочных мотивах, об их взаимосвязи и взаимодействии в литературном произведении [5, с. 67]. В свою очередь, Б.А. Ларин говорит о семиотичности мотивов, обладающих различными оттенками.

Соотнесение формы и содержания мотивов составляет всю систему литературного произведения в части развития идеи и эмоциональной составляющей.

Будучи одним из главных актантов литературного произведения, его художественно инкрустирующим элементом, мотив представляется отдельной категорией, выполняющей ряд функций, исследовав которые, можно оформить их классификацию по отдельным признакам и ролям. Мотив создаёт настроение произведения в целом, характеризует героев, окружающую среду, обстоятельства в которых происходит действие, и все эти компоненты, выполняя различные функции и имеющие персональное назначение, способствует комплексному восприятию литературного произведения читателем и критиком.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Жирмунский В. М. Теория литературы: Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1977. – 407 с.
3. Ключевский В. О. Курс русской истории: историческая литература. Ч. 2 / О. В. Ключевский. – Москва : Мысль, 1988. – 447 с.
4. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент. Типологические исследования по фольклору / Б. Н. Путилов // Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа. – Москва : Наука, 1975. – 320 с.
5. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – Москва : Аспект-пресс, 1996. – 536 с.
6. Сedaков Никон Эдуардович. Архетипы бытия и символы культуры: (Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде) : дис. ... канд. филос. наук / М.Э. Сedaков. – Москва, 2004. – 126 с.
7. Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages / E. R. Curtius. – Harper Terchbooks, 1953. – 658 с.
8. Frenzel E. Motive der Weltliteratur: Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Langsschnitte / E. Frenzel. – Stuttgart, 1980. – 907 s.
9. Trousson R. Un problème de littérature comparée: les études de thèmes. Essai de methologie / R. Trousson. – Paris, Lettres modernes-Minard, 1965.

References

1. Bahtin M. M. Voprosyi literaturyi i estetiki: Issledovaniya raznyih let. Moscow, Hudozh. lit., 1975. – 502 p.
2. Zhirmunskiy V.M. Teoriya literaturyi: Poetika. Stilistika. Leningrad, Nauka, 1977. 407 p.
3. Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii: istoricheskaya literatura. Part 2. Moscow, Myisl, 1988. 447 p.
4. Putilov B. N. Motiv kak syuzhetoobrazuyuschiy element. Tipologicheskije issledovaniya po folkloru // Sbornik statey pamyati Vladimira Yakovlevicha Proppa. Moscow, Nauka, 1975. 320 p.
5. Reformatskiy A. A. Vvedenie v yazykoznanie. Moscow, Aspekt-press, 1996. 536 p.
6. Sedakov Nikon Eduardovich. Arhetipy byitiya i simvoliy kulturyi: (Karl Gustav Yung i Mircha Eliade). Moscow, 2004. 126 p.
7. Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages. Harper Terchbooks, 1953. 658 p.
8. Frenzel E. Motive der Weltliteratur: Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Langsschnitte. Stuttgart, 1980. 907 s.
9. Trousson R. «Un problème de littérature comparée: les études de thèmes. Essai de methologie». Paris, Lettres modernes-Minard, 1965.